

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С12

Оформление переплета
Владимир Мачинский

В романе процитированы строки из поэм, стихотворений и песен: А. Твардовского «По праву памяти», А. Вознесенского «Пожар в Архитектурном институте», «Лонжюмо», Земфиры «Хочешь?», Clean Bandit «Solo» (feat. Demi Lovato)

Савельев, Игорь Викторович.

С12 Как тебе такое, Iron Mask? : роман / Игорь Савельев. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 349, [3] с. — (Актуальный роман).

ISBN 978-5-17-121131-8

Главный герой нового романа Игоря Савельева, студент Кембриджа Алекс (Алексей Николаев) не афиширует, что он сын могущественного российского чиновника. Но вдруг его срочно вызывают на родину. Желание отца, наконец, поговорить и расставить все точки над «i»? Шанс для Алекса разобраться с подростковыми травмами? Или всё это — грязная игра спецслужб?

«Фантазмагоричная жизнь путинского “нового дворянства” с самого начала предсказуемо привлекала к себе внимание крупных сатириков — которые разоблачали, бичевали и высмеивали ее.

Но лишь Савельеву удалось то, что не удавалось ни Пелевину, ни Доренко, ни Сорокину, ни Проханову, — перевести на язык художественной прозы главную фразу десятых годов: “ОНИ О..ЕЛИ”».

Лев Данилкин

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121131-8

© Савельев И.В., 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

— **Т**вой отец и убил.
Алекс ответил Тео смехом и кинул подушкой (от своей кровати — к его).

Каждое утро они зачем-то раздвигали кровати. В принципе, можно и не париться: если кто зайдет, то кому какое дело? Администрация кампуса? Ха-ха. Поначалу Алекса еще волновало — не волновало даже, так, забавляло, — что думают соседи, когда слышат, как каждый вечер и каждое утро в один и тот же час по щербатой плитке нудно едет кровать. Кажется, внизу жили девчонки. Но Тео ответил, что ему нужно личное пространство и что вы, русские, вечно трясетесь на тему «что подумают другие». А Алекс — под настроение — еще сгустил краски, переводя «чувство локтя» не как *common touch*, а как пугающее *feeling of elbow*, и у Тео родилось за минуту десять непристойных вариантов в развитие этого...

— Русские цари всегда приглашали к себе сыновей, чтобы убить.

Сейчас Тео валялся на «личном пространстве» и мрачно шутил, уставившись в потолок. Он был здоровый, как горный хребет, не умещался на кровати и съезжал ногами в пол. А мелкая кучерявая растительность на ногах, мощных бедрах — как лес.

Становой хребет. Опорный край державы.

— Дай-ка угадаю. Тебе понравилась картина про Ивана Грозного.

— Петр Великий тоже так сделал.

— Нет, он вроде не убивал... Ха, и такая картина тоже есть! Что-то про допрос царевича. Ты что, облазил в инете всю Третьяковку?..

Тео принялся артикулировать *Tretyakoffka* с разной степенью утрашения, иногда демонически хохоча, а Алекс продолжил складывать вещи. Точнее, раскладывать. Прежде чем собрать рюкзак, ему обязательно надо было педантично разложить все по кровати: каждую мелочь, каждый клубок носков, чтобы окинуть взглядом и только потом утрамбовывать. Тео шутил, что Алекс — псих и таким образом успокаивает себя. Возможно. Но сейчас было из-за чего беспокоиться.

— А Екатерина Великая?

Еще эта болтовня нелепая.

— Что — Екатерина Великая?

— Трахалась с конем твоя Екатерина Великая!

— Я знаю, — миролюбиво согласился Алекс.

Даже Тео вон нервничает — хотя казалось бы!.. Тео никогда не нервничал и не устраивал проводы, на какой бы срок Алекс ни уезжал. Тео обычно исчезал, появлялся, ржал, стучал хреном по лбу и уходил курить непонятно что со своими латиносами. Поэтому Алекс, собравшись, покидал комнату в одиночестве. Теперь же — ни на шаг не отходит. Валяется на кровати. Бубнит про царей. Жуть.

— Екатерина хотела убить своего сына, чтобы он не стал императором, но не успела, потому что у нее начался инсульт. Она долго умирала на полу, а все переступали через нее, и всем было наплевать.

— Екатерина была, эм-м, крупной женщиной. Ты представляешь, как через нее перешагивать?..

— Все искали завещание. Говорили, что она завещала корону не сыну, которого не любила, а внуку, которого любила. Он потом все равно стал царем. Николай.

— Потрясающе.

— Потом его убили Советы.

— В конце ты немного обосрался, *honeu*, но все равно это было прекрасно.

— Эй, это мои слова. Не юзай мои слова.

— Для чилийца у тебя слишком большие познания в русской истории.

— Ты же знаешь, что я агент КГБ, приставленный к тебе.

Тео скептически наблюдал, как Алекс делает все по инструкции — буквально как в видео про упаковку рюкзака: наушники отсюда, пауэрбанк сюда, — затем достал откуда-то из-под кровати вейп, поджал ноги по-турецки и закурил.

— Ты сбрендил? — возмутился Алекс.

Белый дым был таким густым, что казалось, его видно через окно прямо из корпуса администрации.

— Вали на улицу, а.

— Не хочу упустить ни минуты прощания с тобой.

— Хорош глумиться, и без тебя страшно.

— Если страшно, то оставайся.

Алекс выразительно посмотрел на Тео, но ничего не ответил. Вернее, не ответил по существу. А про курение в кампусах у него получалось еще занудней, чем у декана Макдауна.

— ...А не то что? Нас вышибут из колледжа? Серьезно? Тебя-то? Ха-ха.

Тео всегда знал, как сделать Алексу «приятно».

Хотя когда-то сам переживал из-за этой сплетни больше всех, возможно потому, что она обрела силу печатного слова. Может, у чилийцев к этому какое-то особо болезненное отношение — Алекс не знал; ему было по барабану. Вернее, как: ему были одинаково неприятны разговоры о «могуществе русских денег» — что в форме сплетен за спиной, что в форме того единственного «печатного слова», которое тут позволили себе. Год или полтора назад. Их команда выиграла в регате. Не то что-

бы это было серьезно. Каналы, плутовавшие по старому Кембриджу (иногда прямо под домами — под застекленными галереями, отсыревающими башнями), были больше аттракционом для туристов. Как и босые мальчики и девочки якобы в форме — но никто уж сто лет тут такого не носит, — лихо управляющие лодками с помощью шестов.

Победа оказалась спорной, и в газете Тринити-колледжа — в стане проигравших — сделали грязный намек. В нем фигурировала даже «лживая сочинская Олимпиада», хотя обиженные авторы вряд ли подозревали, как близко пролетел их снаряд. *Alex Nikolaev* был для них сыном абстрактного *oligarch*'а и в меру безликим воплощением того, что «русские всё купили». Это было неприятно, но не более того. Тео, которого, кажется, пробрало, что брошена тень на команду, ходил и зудел: «Поддай на них в суд!» Он не понимал, *why not*, и вообще ничего не понимал, двухметровый дурень. (Ну вот и всё. Алекс улыбнулся, подошел и обнял его.)

ОБЪЕКТ ВЫЕХАЛ В ХИТРОУ

Суд. Просто смешно. Алекс не хотел, чтобы над этим судом на следующий день ржал весь Кембридж, а послезавтра в газетах, и уже не студенческих, раскопали и рассказали бы, чей он сын.

— Ну вот и всё. Я поехал.

У Тео невозможно жесткая щетина; *sweet*, конечно, но это что-то нечеловеческое. Когда они только начали встречаться, Алекс все время ходил с красной мордой, как *Ded Moroz*. То есть у него все лицо оказывалось выскоблено подбородком Тео, не подбородком, непонятно чем, потому что вроде лицами-то они не терлись. Декан Макдаун даже отпустил шуточки про русский алкоголизм. Но потом поплатился за свою неполиткорректность: нет, «русские деньги» тут ни при чем, просто еще более раскованные шутки с кенийской студенткой чуть не сломали декану карьеру. Так что Алекс перетерпел и победил — как делал в жизни не раз.

На вокзале он всегда вспоминал, как приехал в Кембридж впервые — тогда еще на экскурсию; ему казалось, что все будет в точности как в «Гарри Поттере» с платформой 9¾, тем более что и... В общем, неважно; когда они (не с отцом, конечно: отец не рискнул приехать инкогнито) вышагнули из кингс-кросского экспресса, Алекс был почти оскорблен. Он ожидал увидеть маленькую английскую станцию со средневековым особнячком и круглыми часами, а увидел какое-то сталинское *monstrosity* и толпы людей. Ладно.

Зря он, например, рассказал Тео, кто его отец. И тем более пересказал историю с мужиком из Сколково. Но Алексу тогда казалось, что это дико смешно. А Тео показалось диким (без «смешно»). Тео разве что не крутил пальцем у виска, и пример-

но с тех пор он реально думает, что царевичам головы рубают прямо в Кремле.

Была какая-то рутинная пресс-конференция в Москве. Сразу несколько друзей прислали Алексу ссылки и даже указали, с какой минуты смотреть и смеяться. Иностраный журналист неожиданно для всех спросил: «Господин вице-премьер, а правда ли, что бизнесмен Максим Николаев — это ваш сын?..»

Алекс даже не знал, кто такой Максим Николаев. Погуглил. Оказалось, версия, озвученная иностранцем, популярна на всяких «компроматах» и прочих сливных ресурсах. Речь шла о каком-то *strange man* из Сколково. Или не из самого Сколково, а из каких-то присосавшихся фондов; ну, неважно. У парня оказались правильная фамилия (впрочем, нередкая) и правильное отчество (нередкое тоже), и этого уже хватило, чтобы молва записала его в сыновья к вице-премьеру. Ну а что? Не может же такой талантливый парень — тридцати еще нет, а Сколково уже в кармане — быть ничьим?..

Странно, что западных журналистов заинтересовала такая «камерная» тема. С другой стороны, российские бы никогда и не спросили: они как в рот воды набрали — и вообще, и тогда, — а из президиума зашикали, что вопрос не по теме и пресс-конференция — про показатели «Газпрома», и...

Но Михаил Андреевич Николаев вдруг ответил.

Алекс ожидал от отца ответа «нет», или отпове-
ди про частную жизнь семьи не для камер — в сти-
ле раннего [Mr. P.]а, или какой-нибудь скабресной
шутки в духе [Mr. P.]а позднего: его соратники уди-
вительно быстро перенимали этот толстоватый
юмор. Но вместо этого отец прочитал простран-
ную речь на пять минут, из которой решительно
ничего нельзя было понять (назавтра она разо-
шлась на мемчики, но слабенько: все-таки не та
фигура). Иногда из бессмыслицы-отглаголицы вы-
ныривало, как обломок доски после крушения ко-
рабля, «кто не слеп, тот видит» или даже стихо-
творная строчка. По крайней мере Алекс потом на-
гуглил, что это из стихов:

Сын за отца не отвечает —
Закон, что также означает:
Отец за сына — головой.

Даже газпромовские кабанчики в президиуме
смотрели с недоумением, впрочем, прекраснодуш-
ным; как только поток бреда кончился, они верну-
лись к «Северному потоку — 2».

Интернет взревел: что это было? Друзья-при-
ятели, кто посмелее, с тем же вопросом стучались
Алексу в «Телеграм», некоторые даже заподозрили,
что неизвестный Николаев из Сколково — его на-
гулянный отцом непонятно где и с кем сводный
брат. Ведь отец и не опроверг.

Трезвее всех была версия русской службы ВВС. Некий политолог без лишних разглагольствований написал: все знают, что сын Николаева учится в Штатах. (Это, конечно, дико смешно, когда ВВС, головной офис которой — в полусотне миль от койки Алекса, промахивается на целый океан.) Все знают, что сын такого-то учится в Гарварде, дочь такого-то вышла замуж за голландского архитектора, а семья такого-то свалила в полном составе... Дети руководства России строят свое будущее вне России. И всеобщее знание об этом — проблема режима. Согласно социологическому опросу... *blah blah blah*. Короче, это кремлевские политтехнологи наверняка посоветовали отцу не опровергать выгодный слух, а напустить туману. (И он преуспел, конечно.) Люди, мол, скажут: вот, может, и наворовали, может, сын и не по заслугам получил эти сколковские фонды, но он хотя бы в России и как бы даже в российскую науку вкладывает...

Алекс истерично ржал после сколковской речи отца два дня и собирал мемы и демотиваторы, отправляя немногим московским друзьям. Алекс думал, что и Тео будет так же смешно. В попытках перевести непереводимое — все эти пространные экскурсы в никуда. Уж с его-то английским, и то пришлось писать себе нечто вроде опорного конспекта с широкими культурологическими выносами в тех местах, которые Алекс

вообще понял. И — он не ожидал, что Тео будет потрясен.

Коллизию — с «хотя бы в России» — пришлось разжевывать так долго, что весь юмор ситуации был потерян на полпути. Тео не улыбнулся ни разу. Казалось, он был просто в ужасе.

— Они что, не знают, как тебя зовут и как ты выглядишь?

— Кто «они»?

— Ну, телевидение. Журналисты. Русские.

— Конечно нет! Я же не кинозвезда.

Алекс пытался расшифровать что-то дальше, например, что такое «сын за отца не отвечает» и откуда все это. Надо сказать, его даже впечатлило:

Вас не смутить в любой анкете
Зловещей некогда графой:
Кем был до вас еще на свете
Отец ваш, мертвый иль живой.

Но Тео ничего уже не воспринимал. Тео назидательно и даже как будто брезгливо разъяснял Алексу, что такое «публичная политика», рассказывал, как двоичнику, про семейные фотографии политиков в газете и зажигательные речи жен на партийных митингах как про обязательную часть западной...

— Западной! — скептически хмыкнул Алекс. — Можно подумать, у вас в Чили западная политическая культура.

— Да.

— Со всеми вашими Пиночетами и Корваланами?

— Ну ты вспомнил! Это было очень давно. Сейчас...

— Ой, всё.

Алекс сердился. Ему надоело. Он пробовал повторять общие слова о праве взрослых детей на частную жизнь. Разумеется, он знал, что это тезис пропаганды, пластинка, заведенная еще с полумифических дочерей — чуть ли не двадцать лет назад, но это был тот редкий случай, когда он вполне разделял русский тассовский бубнеж. *Why not*. Алекса абсолютно устраивала анонимная жизнь простого английского студента, у которого никто не стоит над душой. Ни охрана. Ни посольство. Ни журналы. Ни MI5 (а если и стоит, то никак себя не проявляет, вот и на том спасибо). Этому перцу чилийскому, конечно, не понять. Заладил про демократию, как попугай.

Впрочем, после этого Тео «заладил» о другом. Он несколько раз заводил разговор о том, что отец Алекса «отрекся от сына» (чем выдал все-таки некоторое знакомство с предметом — кто за кого отвечает, — потому что *отца отринь и мать от-*